

Часть первая

Место действия — Лондон

Предложение

Накануне дебютного бала Эсмеральды мне опять приснился сон, регулярно омрачавший мою жизнь на протяжении почти всех моих девятнадцати лет. Есть что-то пугающее в этих повторяющихся снах, потому что начинает казаться, что за ними скрывается нечто, требующее разгадки.

Каждый раз, просыпаясь после такого сна, я дрожала от страха, причина которого была не ясна мне самой. Дело было даже не в самом сне, а в том ощущении надвигающегося и неотвратимого рока, которое его сопровождало.

Мне снилось, что я нахожусь в какой-то комнате. С годами я изучила ее очень хорошо, потому что во всех снах это была одна и та же комната. В ней не было ничего необычного. Я видела выложенный кирпичом камин, по обе стороны которого стояли каминные скамьи. На полу лежал красный ковер, а окна обрамляли тяжелые красные портьеры. Над камином висела картина, на которой было изображено штормящее море. В комнате стояло несколько стульев и стол с откидной столешницей. В некоторых случаях во сне я слышала какие-то голоса. Мне казалось, что от меня что-то скрывают. Внезапно на меня наваливалось ощущение безнадежности и обреченности, и я в ужасе просыпалась.

Вот и все. Иногда этот сон не снился мне целый год, и я успевала о нем забыть, но он неизбежно возвращался. Постепенно я замечала все больше деталей, например толстые витые шнуры, которыми были подвязаны шторы, кресло-качалку в углу... Но каждая новая подробность лишь усиливала мой страх.

Просыпаясь, я подолгу лежала без сна и гадала, что бы это могло значить. Почему эта комната стала частью моей жизни, пусть и во сне? Почему каждый раз это одна и та же комната? Почему мне так страшно? Допустим, эта комната создана моим воображением. Тогда почему она снится мне на протяжении многих лет? Я никому не рассказывала об этом сне. Днем мои ночные страхи казались совершенно нелепыми. Самый яркий сон меркнет и тережит краски при пересказе. Однако в глубине души я была убеждена, что этот сон мне снится не просто так, что какая-то странная и непостижимая сила предостерегает меня от неминуемой опасности и что когда-нибудь я обязательно узнаю, что все это значит.

Мне были несвойственны безудержные фантазии, потому что окружающая меня суровая реальность совершенно к этому не располагала. Приняв меня в свой дом, кухня¹ Агата оказала мне великую милость, о чем мне не давали забывать. Я должна была помнить свое место и испытывать бесконечную благодарность к родственнице за возможность садиться за один стол с ее дочерью Эсмеральдой, обучаться под руководством ее гувернантки и гулять в парке под присмотром ее нянюшки. Единственным, что не позволяло кухне сослать это презренное создание, Бедную Родственницу, к прислуге под лестницу, было то, что я являлась членом Семьи. Впрочем, нить, связывающая меня с Семейей, была чрезвычайно тонкой, ведь мама приходилась кухне Агате лишь троюродной сестрой.

Кухня Агата была женщиной внушительных размеров. Все в ней было не просто большим, а огромным — ее тело, ее голос... одним словом, ее было много. Она, как королева, правила своей семьей, состоящей из малорослого мужа и дочери Эсмеральды. Возможно, на самом деле ее муж был не таким уж низкорослым, а просто казался таковым рядом со своей женой. Кузен Уильям, как я его называла, был богатым человеком с обширными деловыми связями и интересами. Судя по всему, за пределами своего дома он был весьма влиятельной фигурой. Однако в семье за него

¹ В Англии всех дальних родственников, а не только двоюродных братьев и сестер было принято называть «кузен» или «кузина». (Здесь и далее примеч. перев.)

все решала его могущественная жена. Он был тихим и неприметным человечком. При встрече он каждый раз рассеянно улыбался мне, как если бы силился припомнить, кто я такая и что делаю в его доме. Я думаю, он был добрым человеком, но у него, как правило, не хватало силы воли отстоять свое мнение. Супруга же его славилась своими добрыми делами. В определенные дни недели выделялось время для заседаний всевозможных комитетов. Дамы, очень похожие на кузину Агату, рассаживались на диванах в гостиной, а мне зачастую приходилось помогать подавать чай и пирожные. Кузина любила демонстрировать меня гостям.

— Это Эллен, дочь моей троюродной сестры, — поясняла она. — Это такая грустная история! У меня не было выбора, я просто обязана была взять бедное дитя под свой кров.

Иногда Эсмеральда вместе со мной принимала участие в обеспечении дам чаем и пирожными. Бедная Эсмеральда! С трудом верилось в то, что именно она дочь хозяйки дома. Она расплескивала чай, а однажды вылила целую чашку горячего чая на колени одной из благотворительниц.

Кузина Агата ужасно сердилась, когда гости по ошибке принимали Эсмеральду за Бедную Родственницу, а меня за дочь хозяев. Я не завидовала Эсмеральде — ей тоже изрядно доставалось.

— Держи спину прямо, Эсмеральда. Не сутулься! Бога ради, говори громче! Что ты там мямлишь? — только и слышала она.

Бедняжке Эсмеральде совершенно не шло ее великолепное имя! У нее были светло-голубые глаза, в них то и дело блестели слезы, так как любая мелочь могла ее сильно огорчить; ее тонкие, светлые, вечно растрепанные волосы, все в завитушках, невозможно было ни причесать, ни уложить. Я решала за нее приемы и писала сочинения. Она очень ко мне привязалась.

Кузина Агата частенько сетовала на то, что у нее всего одна дочь. Ей хотелось иметь много сыновей и дочерей, которыми она могла бы повелевать, потому что они были бы всецело в ее власти, как шахматные фигуры под пальцами шахматиста. Вину за то, что ей удалось родить всего одну, и то весьма тщедушную, дочь, она возлагала на мужа. В этой семье вообще существовало правило, согласно которому все хорошее исходило от кузины

Агаты, а все нежелательное было следствием действий других людей.

Однажды кузину Агату представили королеве, которая поблагодарила ее за добрые дела в помощь бедным. Она основывала клубы, где упомянутой бедноте внушали чувство смирения и благодарности за оказанные им благодеяния. Она организовывала пошив ситцевых рубашек, штанов и платьев. Словом, моя неутомимая кузина была образцом добродетели и благонравия.

Неудивительно, что ее муж и дочь рядом с ней остро ощущали свою неполноценность. Как ни странно, меня ее труды ничуть не трогали. Я уже давно поняла, что добрые дела кузины Агаты, прежде всего, доставляют удовольствие ей самой, в противном случае они быстро ей наскучили бы. Она чувствовала, насколько низко я оцениваю ее усилия, и из-за этого я еще больше падала в ее глазах. Попросту говоря, она меня не любила. Вообще-то, по-настоящему она была влюблена только в себя. Тем не менее где-то в глубине души она, несомненно, ценила мужа, благодаря которому могла позволить себе жить на широкую ногу. Что касается Эсмеральды, то, будучи единственной дочерью, она тоже заслуживала некоторого внимания.

Однако я была чужой кузине Агате, к тому же оказалась нарочь лишеной смирения. Видимо, от нее не укрылось, что всякий раз, когда она с энтузиазмом разглагольствовала о своих новых благотворительных проектах, мои губы непроизвольно расплывались в иронической усмешке. Вне всякого сомнения, кузина Агата убеждала себя в том, что этот отвратительный бунтарский дух объясняется моей дурной наследственностью и что все дурные привычки мне достались от отца, хотя она и утверждала, что ей о нем ничего не известно.

С первых дней моего пребывания в ее доме она не скрывала своего отношения ко мне. Мне было лет десять, когда она, наконец, заговорила об этом.

— Я думаю, Эллен, пришла пора нам с тобой кое-что обсудить, — заявила она.

Она с неприязнью воззрилась на стоящую перед ней десятилетнюю синеглазую девочку с копной почти черных волос, вздернутым носом и довольно упрямым подбородком, то есть меня.

Мне было предложено стать по центру дорогого персидского ковра в комнате, которую она именовала своим кабинетом. Именно здесь ее секретарша писала за нее письма и выполняла всю остальную общественную работу, позволяя кухне Агате почитать на лаврах.

— Итак, Эллен, — продолжила кузина Агата. — Я надеюсь, мы с тобой сможем достичь взаимопонимания. Ты ведь хочешь четко уяснить свое положение в этом доме, верно? — Впрочем, она не стала дожидаться моего ответа. — Я не сомневаюсь в том, что ты благодарна мне... и кузену Уильяму Лорингу (так звали ее мужа)... за то, что мы тебя содержим. Разумеется, после смерти твоей матери мы вполне могли сдать тебя в сиротский приют. Однако ты член нашей семьи... хотя связывающие нас родственные узы и трудно назвать крепкими... Так или иначе, мы решили, что тебя необходимо взять под нашу опеку. Тебе, наверное, известно, что твоя мать вышла замуж за некоего Чарльза Келлавея и что ты являешься плодом этого брака. — Она слегка сморщила свой крупный нос, демонстрируя презрение, испытываемое ею как к моим родителям, так и к их потомству. — Это был весьма неудачный союз, — продолжала она. — Ей в мужья прочили совсем другого человека.

— Должно быть, она вышла замуж по любви, — вступилась я за маму, поскольку слышала это выражение от нянюшки Грейндж, чья тетя была нянюшкой кухни Агаты, а значит, знала все тонкости нашей семейной истории.

— Попрошу не перебивать, — снова поморщилась кузина Агата. — Мы говорим об очень серьезных вещах. Твоя мать вопреки воле семьи уехала и вышла замуж за не известного нам человека из каких-то диких мест, о которых никто из нас никогда даже не слышал. — Она пронзила меня свирепым взглядом. — Спустя год родилась ты. А вскоре твоя мать совершила очередной безответственный поступок. Она покинула свой дом и вернулась в семью, прихватив тебя.

— Мне тогда было три года, — произнесла я, вновь цитируя нянюшку Грейндж.

Кузина Агата приподняла брови.

— Я, кажется, попросила не перебивать, — надменно произнесла она. — У нее не было ничего... ровным счетом ничего. Вы